

УДК 114:130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.077

КАСПИЙСКИЙ МАКРОРЕГИОН КАК ОСОБОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

М.С. Топчиев

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»,
г. Астрахань

Статья посвящена комплексному исследованию Каспийского макрорегиона как особого социокультурного пространства. Используя социально-философскую, социокультурную и социетальную методологию, автор дает социокультурную характеристику Каспийского макрорегиона. Основным научным результатом исследования является определение «разломов» социокультурного пространства Каспийского макрорегиона, сопряженных с социокультурными угрозами его социетальной безопасности.

***Ключевые слова:** Каспийский макрорегион, социокультурное пространство, социетальная безопасность, Россия, история, культура, западное культурное влияние, политические элиты, полиэтничность, религиозное многообразие.*

Каспийский макрорегион: социокультурная характеристика

В современных исследованиях Каспийского макрорегиона явно доминируют геополитический и экономические подходы. Системно-сложный характер основной проблемы нашего исследования требует от нас многоаспектного и многофакторного социально-философского анализа, рассматривающего и социокультурный подход. Значимость социокультурного подхода к исследованию процессов трансформации в Евразии (соответственно, и в Каспийском макрорегионе, являющемся его частью) подчеркивают Ю.В. Попков: «опыт социокультурного подхода к изучению этносоциальных и цивилизационных процессов в Евразии показывает, что весьма перспективным в развитии этого подхода является применение в теории и эмпирике концепта «социокультурный тип», связующего макро- и микроуровни» [7, с. 73–74] и С.А. Храпов [11; 13].

Каспийский макрорегион – особая природная зона, и поэтому он формирует не только геополитические, экономические (транспортно-логистические) контексты взаимодействия, но конструирует и социокультурный ландшафт. Известный философ А.С. Панарин верно отмечает «природные факторы, как наиболее значимые исторические события, формирующие ментальные установки и культурные факторы, формирующие долговременные структуры социокультурного пространства» [6, с. 33–38]. Специфика Каспийского макрорегиона проистекает из его уникальной истории и

© Топчиев М.С., 2025

особого географического (транспортно-логистического) положения, определивших формирование чрезвычайно сложного социокультурного пространства в этническом, религиозном, лингвистическом, коммуникационном и социокогнитивном измерениях. Существование в Каспийском макрорегионе огромного количества этнических, конфессиональных и лингвистических общностей является общеизвестным фактом, значительную методологическую сложность исследования вызывают процессы взаимодействия данных общностей в рамках территорий Каспийских стран, а также сопряженных с ними регионов и государств, что, несомненно, усиливает валидность социетального, социокультурного и социально-философского подходов.

Каспийские державы – Россия, Азербайджан, Туркменистан, Казахстан и Иран – имеют не только сложную историю развития, но и неустойчивые позиции в современном мире, обусловленные мировыми политическими, экономическими, культурными кризисами. Кроме того, каждая из этих стран обладает уникальной культурой, этнической и религиозной спецификой, национальными особенностями культурной политики. В рамках нашей работы мы не имеем возможности дать деятельный анализ всем данным процессам, но, безусловно, будем их учитывать при осмыслении Каспийского макрорегиона как особого социокультурного пространства.

Вначале мы попытаемся ответить на вопрос, является ли в настоящее время Каспийский макрорегион единым, целостным социокультурным пространством. Если использовать данную категориальность, то, на наш взгляд, пока нет. В отличие от сфер политики и экономики, сфера культуры более фундаментальна и менее поддается быстрым трансформациям, поскольку культурные феномены зафиксированы в глубоких цивилизационных пластах менталитета, языка, идентичности. Существенным атрибутом данной культурной ригидности является тот факт, что культурная специфика, цивилизационные основания используются постсоветскими государствами как один из механизмов их суверенизации в современном мире [8], что тормозит интеграционные процессы в социокультурном пространстве Каспийского макрорегиона. Но если мы будем избегать однозначно жестокой категоризации в определении единства и целостности социокультурного пространства Каспийского макрорегиона, а посмотрим на содержательность современных процессов и их социокультурный потенциал развития, то станет очевидно, что некие общие контуры все же существуют. Эти контуры определяются как территориальным единством, так и геополитическими и геоэкономическими причинами, толкающими Каспийские страны к сотрудничеству [9].

За 30 лет постсоветской истории становится все более очевидным, что после распада СССР бывшие советские республики – Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан – рассматриваются США и другими западными странами только как государства – поставщики ресурсов, а не как равнозначные партнеры. Иран официально объявлен врагом Запада. Против

России США и другими странами НАТО ведется гибридная война [2]. Несогласие элит Каспийских стран с таким подходом обусловило активную деструктивную политику стран Запада, направленную не только на политическую, военную, экономическую сферы, но и на сферу культуры. Каспийской регион в силу своего социокультурного разнообразия и неоднозначной истории содержит значительное число уязвимостей к внешнему деструктивному воздействию, что существенным образом обостряет угрозы социальной безопасности.

Обобщенный социально-философский анализ показывает, что социокультурное пространство Каспийского макрорегиона имеет несколько разломов, которые активно используются внешними силами для торможения процессов интеграции и устойчивого развития.

Разломы социокультурного пространства Каспийского макрорегиона

Первым разломом является общая имперская и советская история России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и история Ирана как уникальной страны-цивилизации, которая в советский период делила Каспийское море только с одним политическим субъектом – СССР, а теперь Ирану приходится выстраивать отношения с каждой из каспийских стран в отдельности, что отражается и на процессах межкультурной коммуникации.

Второй разлом заключается в болезненном отношении Казахстана, Азербайджана, Туркменистана к России – как к бывшей Российской империи, как к основателю СССР, а ныне как к ведущей стране на евразийском пространстве, с которой они должны (а иногда и вынуждены) выстраивать отношения и поддерживать социокультурные связи, тем более что в этих странах проживает значительное число этнических русских и русскоговорящих граждан. На наш взгляд, именно понимание элитами данных стран онтологической зависимости от России вступает в когнитивный диссонанс с их настойчивыми попытками обретения абсолютной суверенности. Эти противоречия толкают некоторые элиты и общественно-политические силы, этнические, религиозные сообщества Казахстана, Азербайджана, Туркменистана к поиску в западном мире противовеса российскому влиянию, что сопровождается подверженностью влиянию западной культуры и попытками отмены российской культуры, общей исторической памяти и русского языка.

К третьему разлому можно отнести неравномерность подверженности каспийских стран западному культурному влиянию (в силу особенностей исторического развития и устойчивости/неустойчивости политических режимов). На современном этапе Россия и Иран демонстрируют наиболее яркую политическую суверенность и независимость от стран Запада. Обе страны выбрали вектор развития как страны-цивилизации. Туркменистан в силу социокультурной и политической традиционности демонстрирует умеренные позиции. При этом Казахстан и Азербайджан в наибольшей

степени открыты для западного культурного влияния, что во многом определяет их многовекторную политику.

Четвертым социокультурным разломом, на наш взгляд, является полиэтничность каспийских стран, в частности, проблемы этнической миграции и диаспор в прикаспийских регионах. Современные исследователи Р.Р. Назаров и В.Р. Алиева призывают анализировать каспийские этнические процессы в более широком географическом пространстве: «“Большой Каспий”... славяно-ирано-тюркский симбиоз государств: славяноязычное полиэтничное государство Россия; ираноязычные государства Иран, Афганистан; тюркоязычные государства Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Турция, Узбекистан... Все государства являются полиэтничными. Титульные этносы составляют от 42 % (Иран) до 92 % (Азербайджан), соответственно, меньшинства – от 8 до 58 % ... Тюркоязычные меньшинства в ираноязычных странах составляют следующие этнические группы: Иран – азербайджанцы, туркмены, турки, афшары, кзылбаши, каджары, кашкайцы; Афганистан – узбеки, туркмены, афшары, кзылбаши. Ираноязычные меньшинства в тюркоязычных государствах представляют такие этнические группы, как: Азербайджан – иранцы, талыши, таты, курды; Туркменистан – иранцы, курды, белуджи; Казахстан – иранцы, таджики, курды; Турция – курды, иранцы; Узбекистан – таджики, иранцы, курды... Русские диаспоры в значительном числе проживают в Казахстане, Азербайджане, Туркменистане, есть небольшая русская диаспора и в Иране» [5, с. 44–45].

В рамках социетального подхода к безопасности исследование данных этнических социальных общностей в контексте процессов аккультурации, адаптации/дезадаптации, конфликтности представляется особенно актуальным, поэтому рассмотрим данный аспект более детально. Современные политические философы и политологи отмечают высокую роль этнической идентичности этнокультурных миров и диаспоральных миров в современном политическом ландшафте [10]. Согласно С.П. Артееву, «этнокультурный мир (этномир) – трансгосударственное политическое пространство на основе общности по признаку этнокультурной идентичности и / или сопряженных с ней идентичностей, имеющих культурные основания, в котором формируется сообщество разных по типу акторов. ...диаспоральный мир (диамир) – разновидность этнокультурного мира (этномира), транснациональное политическое пространство, основными субъектами которого являются этнические диаспоры» [1, с. 154–157]. В социокультурном пространстве Каспийского макрорегиона Россия пытается учитывать оба эти этнических измерения.

Стремясь распространять позитивный образ «русского мира», наша страна реализует программы переселения соотечественников, например, в Астраханскую область – значимый прикаспийский регион России¹,

¹ В Астраханской области приняли новую редакцию программы добровольного переселения (12 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL:

программы студенческого обмена и т. д. Распространение в социокультурном пространстве Каспийского макрорегиона идей и ценностей «русского мира» сталкивается с иными проектами «этномиров». Каспийские страны сталкиваются со стратегией Запада по продвижению глобалистского культурного проекта: «В становлении глобальной модели участвует и культура этнических групп, народов, сообществ. В ходе этнокультурных процессов происходит сближение деловой и потребительской культур между разными странами мира, новое качество получают международные взаимоотношения в области культуры. Однако деформация этнонациональных духовно-нравственных ценностей дает основание рассматривать глобализм как угрозу для существования традиционных культур народов Каспийского региона» [4, с. 38]. Опасения вызывают и амбиции Турции и Великобритании по продвижению проекта «Великий Туран» в Азербайджане [3], Грузии, странах Центральной Азии, Иране и даже в Северо-Кавказских регионах России [14]. Рост этнонационализма в Каспийских странах также направлен против социокультурного влияния России.

К пятому социокультурному разлому следует отнести многообразную религиозную палитру Каспийского макрорегиона. Г.Г. Нагиев дает ей удачную обобщенную характеристику: «Из прикаспийских стран в Азербайджане, Иране, Казахстане, Туркменистане... ведущую роль играют... особенности, основанные на исламских традициях, что характерно для субъекта России Республики Дагестан. Еще одна национальная республика России – Калмыкия, культура и образ жизни которой в первую очередь основаны на буддийских традициях. В этом регионе Астрахань – старейший экономический и культурный центр Нижнего Поволжья и Прикаспия – представляет собой поликультурную область с населением православного вероисповедания. Все это говорит о том, что требуется выработать региональные стандарты общения, единую платформу ценностей на основе культурных и религиозных особенностей этих стран, народов» [4, с. 39]. Следует отметить, что в каждой каспийской стране наряду с основными религиями есть и представители иных конфессий (католики, протестанты, старообрядцы, ваххабиты и др.). Кроме того, в каждой стране специфическая религиозная динамика, обусловленная историческими, географическими и геополитическими причинами (напряженность в отношении русскоговорящих, православных жителей северных районов Казахстана, религиозная акцентуация в Нагорно-Карабахском конфликте между исламским Азербайджаном и христианской Арменией, продвижение идей ваххабизма в российском Дагестане, с большинством суннитов, и мн. др.).

В рамках проблемы социетальной безопасности религиозный вопрос имеет особенное значение, поскольку религиозная идентичность является одной из наиболее значимых характеристик как социокультурного

<https://a24.press/news/politic/2021-10-12/v-astrahanskoy-oblasti-prinyali-novuyu-redaktsiyu-programmy-dobrovolnogo-pereseleniya-5805>

пространства страны или региона, так и человека, позиционирующего себя как верующего. Несмотря на то, что в современном мире процессы секуляризации сознания весьма масштабны и религиозность зачастую носит квазихарактер [12], в странах каспийского региона позиции религиозного сознания и религиозной идентичности весьма сильны, что объясняется и государственной политикой идентичности, обращенной к сохранению ее культурно-исторических (религиозных) оснований. В то же время ригидность религиозной идентичности и ее сопряженность с этнической идентичностью делают религиозность населения каспийских стран привлекательным инструментом для геополитических манипуляций западных спецслужб с целью разжигания этнических и религиозных конфликтов, что несет непосредственную угрозу социетальной безопасности России.

На наш взгляд, эти пять разломов существенно тормозят процессы интеграции социокультурного пространства Каспийского макрорегиона, но при этом не отменяют их. Население каспийских стран достаточно активно взаимодействует между собой, динамика «живой социальности» активизирует межкультурное взаимодействие. Логистические и экономические связи в едином географическом пространстве обуславливают формирование этнических диаспор в каспийских странах, которые выступают в качестве значимых общностей, с одной стороны, укрепляющих интеграционные процессы на социокультурном пространстве Каспия, а с другой стороны – содержащих и существенный потенциал конфликтогенности (яркий пример проблемы адаптации мигрантов в России).

Выводы

Специфика Каспийского макрорегиона как особого социокультурного пространства заключается в следующих аспектах:

- 1) сложная история каспийских стран, переживших за ее длительный период множество этапов взаимодействия, что приводит к разломам социокультурного пространства;
- 2) этническое многообразие и этническая конфликтность, проблемы диаспор, адаптации мигрантов;
- 3) поликонфессиональный характер каспийских стран и их прикаспийских регионов;
- 4) сложная лингвистическая ситуация и проблемы межкультурной коммуникации;
- 5) столкновение в социокультурном пространстве Каспийского макрорегиона нескольких проектов этномиров: глобалистский и национальные проекты, проект «Великого Турана», проект «Русского мира»;
- 6) опосредованность социокультурного развития геополитическими факторами (агрессивное продвижение странами НАТО собственных геополитических и экономических интересов в макрорегионе).

Данная специфика Каспийского макрорегиона содержит масштабные уязвимости для социокультурных угроз социетальной безопасности России.

Список литературы

1. Артеев С.П. Этнокультурные и диаспоральные миры // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. С. 154–165.
2. Борисов А.В., Гаврилова С.М., Данельян А.А. и др. Кризисная геополитика и Россия: монография. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К., 2025. 384 с.
3. Зиннуров И.Х., Шангараев Р.Н. Ресурсы и инструменты «мягкой силы» Турции в Азербайджане // Социально-политические науки. 2024. № 3. С. 71–75.
4. Нагиев Г.Г. Глобализация и этнокультурные процессы в Каспийском регионе // Матер. результатов междунар. науч.-практ. конф. «Устойчивое развитие стран Прикаспийского региона в условиях меняющегося мира» (г. Москва, 10.07.2020 г.). М.: [б.и.], 2020. С. 37–43.
5. Назаров Р.Р., Алиева В.Р. Этнополитические аспекты межгосударственных отношений стран Прикаспийского региона // Матер. результатов междунар. науч.-практ. конф. «Устойчивое развитие стран Прикаспийского региона в условиях меняющегося мира» (г. Москва, 10.07.2020 г.). М.: [б.и.], 2020. С. 44–56.
6. Панарин А.С. Процессы модернизации и менталитет: по материалам круглого стола «Российская ментальность» // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 33–38.
7. Попков Ю.В., Костюк В.Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2013. № 2. С. 68–74.
8. Постсоветское пространство: между Европой и Азией: монография / Б.П. Гуселетов и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 328 с.
9. Рожков И.С. Механизмы многостороннего взаимодействия Прикаспийских государств на современном этапе: автореф. дисс. ... к. полит. н. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2022. 27 с.
10. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2013. 375 с.
11. Храпов С.А. Аксиодинамика общественного сознания постсоветской России: социокультурный анализ // Философия и культура. 2015. № 5. С. 752–761.
12. Храпов С.А. Современный социокультурный контекст девальвации классических аксиологических моделей «Бытие» и «Бог» // Философия и культура. 2014. № 8. С. 1208–1215.
13. Храпов С.А. Трансформация сознания российского общества в контексте его социокультурной динамики // Власть. 2009. № 9. С. 50–53.
14. Шангараев Р.Н. «Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира. Угрозы и перспективы // Обозреватель. 2021. № 7. С. 70–84.

THE CASPIAN MACROREGION AS A SPECIAL SOCIO-CULTURAL SPACE

M.S. Topchiev

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan

The article is devoted to a comprehensive study of the Caspian macroregion as a special socio-cultural space. Using socio-philosophical, socio-cultural and societal methodology, the author gives a socio-cultural characteristic of the Caspian macroregion. The main scientific result of the study is the definition of «faults» in the socio-cultural space of the Caspian macroregion, associated with socio-cultural threats to its societal security.

Keywords: *Caspian macroregion, socio-cultural space, societal security, Russia, history, culture, Western cultural influence, political elites, polyethnicity, religious diversity.*

Об авторе:

ТОПЧИЕВ Михаил Сергеевич – канд. полит. н., руководитель Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», г. Астрахань. E-mail: mstopchiev@ya.ru

Author information:

TOPCHIEV Mikhail Sergeevich – PhD (Political sciences), Head of the Center for studying the problems of complex security of the Caspian macroregion and countering terrorism and extremism, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan. E-mail: mstopchiev@ya.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 26.04.2025.